

The background of the cover is a light pinkish-red. It features several hand-drawn illustrations of shrimp. One large shrimp is in the center, surrounded by several smaller ones. Some shrimp are enclosed within thin, hand-drawn circular lines. The shrimp are colored in shades of red, orange, and yellow, with black outlines and small black dots for eyes.

ХАОС: **путешествие в** **Элладу**

ЛАРИСА СЕРБИН

Лариса Сербин

Хаос: путешествие в Элладу

«Автор»

2023

Сербин Л.

Хаос: путешествие в Элладу / Л. Сербин — «Автор», 2023

Стефанос Григориадис, родившийся и проживший двадцать девять лет в Берлине, решает отправиться в Грецию на поиски своей родни, о которой никогда ничего не слышал. Но поездка складывается не так, как он себе представлял. Какие испытания приготовила Стефаносу страна солнца? Удается ли ему узнать тайну семьи? А может, на греческих островах он найдет не только родственников?

© Сербин Л., 2023

© Автор, 2023

Содержание

ВНАЧАЛЕ СУЩЕСТВОВАЛ ЛИШЬ ВЕЧНЫЙ, БЕЗГРАНИЧНЫЙ, ТЕМНЫЙ ХАОС	5
АФИНЫ	14
МИКОНОС	22
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Лариса Сербин

Хаос: путешествие в Элладу

ВНАЧАЛЕ СУЩЕСТВОВАЛ ЛИШЬ ВЕЧНЫЙ, БЕЗГРАНИЧНЫЙ, ТЕМНЫЙ ХАОС

Стефанос Григориадис, или, как его называли все друзья и знакомые, Стефан, вышел из общественного бассейна, в котором для субботнего утра было весьма многолюдно, и направился в душевую. Сегодня он проплыл больше, чем обычно, не заметив, как прошло два часа. В детстве он занимался плаванием, а в подростковом возрасте бросил это занятие, когда понял, что никаких результатов нет. Стефан плавал почти каждый день, но секундомер показывал одну и ту же цифру. После смерти отца он снова начал ходить плавать – теперь уже больше для того, чтобы очистить голову от лишних мыслей. Сейчас в плавании ему нравилась определенность, которой так не хватало в повседневной жизни. Что бы ни происходило в его жизни, он всегда мог прийти в бассейн и плавать до тех пор, пока он не почувствует себя лучше. Стефанонос успокаивала мысль об этом...

Нельзя сказать, что у него была депрессия или он тосковал, но что-то внутри уже давно не давало покоя. Ему казалось, что перед смертью отец не сообщил ему что-то важное. Что-то, что он обязательно должен был знать. Григориадис не сильно тосковал по его уходу. Хотя, скорее, он просто старался об этом не думать. Его пугали мысли о смерти. Просто пугали. И он не подпускал их к себе, как не подпускал мысли о том, что ему уже (хотя он из всех сил пытался поверить, что еще, а не уже) двадцать девять лет. К этому моменту он бы мог чего-то добиться. Чего-то большего, чем жизнь за счет денег отца, не такая уж и шикарная работа и... одиночество.

Сполоснувшись под горячей водой и переодевшись, Стефан прошел к стареньким фенам, прикрепленным к стене возле зеркал. Пока он сушил свои кудрявые короткие черные волосы, глядя на карие глаза с длинными ресницами, он думал о сегодняшнем дне. Сегодня был его день рождения, и он всеми силами старался оттянуть момент встречи с родственниками и друзьями, которые после его расставания с девушкой, с которой он прожил пять лет, смотрели на него с сожалением.

“Да нет у меня никакой депрессии!” – повторял он, когда его снова кто-то пытался подбодрить. И он не врал: ему правда на удивление легко далось расставание с Ингой – светловолосой немкой с темными бровями, выщипанными в тонкую нить. Стефан ненавидел ее брови, но никогда не говорил ей об этом. Их отношения были удобными, но не более, поэтому он был даже рад, что ему не пришлось самому рвать с ней.

Они быстро выехали из съемной квартиры в центре Берлина. Крыс, которых Стефан тоже ненавидел, Инга забрала себе, а остальные вещи, накопившиеся за эти годы, они разделили пополам без особого скандала. Сейчас Стефан отвез все свои вещи в квартиру Клавдии, своей матери, чтобы пожить у нее. Это было как никогда кстати: в родительской квартире впервые за долгое время было до ужаса тихо, и матери была просто необходима компания, хоть она этого и не признавала. Клавдия всегда казалась Стефаносу сильной женщиной, не дающей волю эмоциям. Она всегда была спокойна и сдержанна, что бы ни происходило.

И вот сегодня, в день рождения сына, Клавдия готовила стол к вечеру, несмотря на все его просьбы не устраивать праздник. На обед должны были прийти его бабушка Линда, мать Клавдии, и ее родная сестра Барбара со своими дочками-близняшками Сабиной и Ольгой, которых он тоже, к слову, недолюбливал. Клавдия знала об этом и, хотя и отлично это скрывала,

явно тоже не питала теплых чувств к этим двум девчонкам, которые всем видом показывали, что они уже взрослые дамы (а им ведь только стукнуло восемнадцать!). К счастью, Стефану удалось убедить мать не звать остальных родственников, которых он любил еще меньше.

Стефан до ужаса не хотел проводить вечер в этой женской компании, но выбора у него не было. Если бы Клавдия их не позвала, то они бы все равно пришли его поздравить и сидели бы весь вечер с каменными лицами, а приглашение помогло избежать хотя бы этого.

В Берлине у Стефана были родственники только по материнской линии. Его отец был греком. Родители отца переехали в Берлин в шестидесятых годах, оставив всю свою родню, и больше никогда в Грецию не приезжали, поэтому никого из родственников по линии отца Стефан не знал. Последний месяц он постоянно думал об этом, его как никогда начала интересовать история Греции и его семьи. У него была книга мифов древней Греции, которую отец подарил ему на пятинадцатилетие. Толстая книга с красивыми яркими картинками на каждой странице. «Вначале существовал лишь вечный, безграничный, темный Хаос» – все, что прочитал Стефан за все эти годы. Книга валялась в книжном шкафу у родителей, а сегодня утром, пока он проплывал второй километр в бассейне, он вспомнил о ее существовании.

Стефан совсем не хотел домой, но в то же время не хотел бросать Клавдию, готовящую праздничный обед. К тому же она попросила зайти на субботний фермерский рынок за овощами и сырами.

Июльское солнце было жарким, на рынке пахло зеленью, клубникой и помидорами.

– Эти помидоры привезены прямиком с островов Греции, – заверила его продавщица у одного из прилавков.

Стефан купил все необходимое и направился домой: ему очень хотелось поскорее найти ту книгу с мифами.

Сегодня ему исполнилось двадцать девять. Верить в это не хотелось совсем, да и праздник не такой уж и праздник. Отмечать с друзьями не было желания, хотя те и настаивали на походе в бар. Это было очень непохоже на Стефаноса: он был тот еще тусовщик. Настоящий берлинец с серьгой в ухе и вечно торчащей изо рта сигаретой. Но не сегодня. «Им нужно пережить наше расставание», – говорил он про друзей, которые то и дело напоминали ему об Инге. «Нужно же быть такой дурой и порвать со мной за неделю до дня рождения», – думал он про себя.

Как раз в этом месяце Стефан закончил свою большую работу. Он был иллюстратором и в основном рисовал для детских книг и энциклопедий и обложки для книг. Иногда были небольшие заказы, которые могли его заинтересовать. Когда у него не было работы, он отдыхал. К счастью, их семья была не из бедных. Его бабушка и дедушка владели пивоварней, одной из крупнейших в Германии, поэтому о деньгах Стафаносу приходилось думать в последнюю очередь. После смерти отца он получил половину пивоварни, вторая половина принадлежала матери. Но ни он, ни Клавдия ничего не понимали в этом. Они просто получали каждый месяц деньги, и, по расчетам Стефаноса, могли больше не работать ни дня в жизни и жить в комфорте. Поэтому Стефанос не занимался тем, что приносило бы ему большие деньги. Можно сказать, что у него не было мотивации искать в себе то, что привело бы его к успеху. Да, он любит рисовать, писать картины. У него было несколько картин, которые купили его знакомые, но это было лишь его хобби, которое приносило небольшие деньги. При этом нельзя было сказать, что он жил на широкую ногу: он делал вид, что этих денег на его счету не было.

– Мам, помнишь ту книгу? – крикнул он с порога Клавдии, которая гремела посудой на кухне.

– Которую?

– Ну ту, про мифы древней Греции, помнишь, вы мне дарили? – сказал Стефанос, зайдя на кухню, где шумела вытяжка и что-то шкворчало на плите.

– Боже... Ну ты вспомнил!

Худошавая Клавдия с каштановыми волосами, затянутыми в тугую пучок, взяла тканевую сумку, в которой Стефан принес овощи, и начала выкладывать ее содержимое на обеденный стол.

– Так что? Не знаешь, где она может быть? – напомнил он матери, которая уже увлеклась мытьем лука-порей.

– Да черт его знает. Посмотри в шкафу, отец осенью разбирал книги, что-то выкинул, что-то отдал в библиотеку. Может, найдешь ее.

Стефан поблагодарил мать и прошел в гостиную, где у окна под палящим солнцем раскинулся целый сад с комнатными растениями. Некоторые были настолько высокими, что почти касались потолка. Настоящие джунгли! Там, в углу, стоял старенький деревянный шкаф, в котором всегда хранились книги. Верхняя полка была выделена под Ремарка: Клавдия его обожала. Стефан не сразу увидел книгу. Раньше она казалась ему такой яркой и интересной, а теперь она выглядела как обычная книга среди остальных, находящихся в шкафу. Отличалась она лишь типичными греческими орнаментами. Он вытянул ее из пространства между книгами, стоящими рядом. Отец почему-то решил, что лучшими соседями для нее станут англо-немецкий словарь и книга Томаса Манна.

Книга была немного раздута из-за того, что внутри лежали какие-то бумаги и конверты. Стефан хотел было их вытащить и положить обратно в шкаф, но вдруг заметил, что ветхие посеревшие листы были исписаны словами на греческом. Ему удалось разобрать только свою фамилию и слова “Берлин. ФРГ”. Стефан вдруг разволновался, будто нашел что-то очень важное или даже секретное. Он схватил все письма и книгу и направился на кухню.

– Мам, ты не знаешь, что это за письма? – Стефан держал книгу, из которой торчали углы конвертов, так крепко, словно боялся, что они навсегда исчезнут.

– Счета? Или о чем ты? – сказала Клавдия, которая к этому времени уже занялась мытьем картошки.

– Да нет же! – он расчистил часть стола от лежащих там овощей и тарелок и аккуратно положил книгу на стол.

– Ну и барахольщик был твой отец, я до сих пор удивляюсь, сколько всего можно найти в наших шкафах!

Вытирая о бордовый фартук мокрые руки, Клавдия подошла к столу и взяла один из конвертов.

– Шестидесят пятый год! – ахнула она, указывая пальцем на марку, наклеенную на конверт. – Видимо, после переезда из Греции твои бабушка и дедушка какое-то время пытались поддерживать связь с родней. Как жаль, что тут все на греческом.

– Ты не знала об этих письмах? – спросил Стефан, который был очень рад своей находке.

– Может, и знала, но забыла, толку-то.

Клавдии явно было не так интересно, как сыну. Она положила конверт обратно на стол и вернулась к раковине, где ее ждали недомытые картофелины.

– Везде получатели Теа и Янис, значит, это ответы на письма бабушки и дедушки. Интересно, о чем тут...

Стефанос попытался перевести хотя бы одно слово, но этот язык не был похож ни на немецкий – его родной язык, ни на английский, которым он отлично владел. Ему стало настолько интересно, о чем шла речь в письмах, что он решил попробовать перевести их при помощи переводчика на телефоне, но все равно ничего не было понятно.

– Как думаешь, сколько у меня там родственников? – спросил Стефан, пролистывая в очередной раз желтые страницы.

– Твой отец всю жизнь задавался этим вопросом, да толку-то?

Клавдия обмазала картофелины травами и маслом и выложила на противень, где их поджидала утка в маринаде, набитая яблоками и апельсинами.

– Почему же он никогда не ездил туда? Греция же недалеко, столько прямых рейсов сейчас!

– Ты уверен, что говоришь сейчас о своем отце? – Клавдия рассмеялась. – Он только и умел, что говорить об этом. Я ему предлагала съездить, может, кого и нашел бы. Тетку какую. Думаю, он боялся.

– Боялся? Чего? – с удивлением спросил Стефан.

Он всегда думал, что знал свою семью, а теперь выясняется, что отец хотел найти своих родственников.

– Кто ж его знает, чего он боялся, но его явно пугала эта неизвестность. Что теперь об этом говорить? – Клавдия махнула рукой.

– Почему вы не рассказывали мне об этом?

– А о чем тут рассказывать? Ты и так все знаешь, никакой тайны нет.

Стефан ничего не ответил. Он был согласен с тем, что ничего нового он не узнал, ведь о чем-то он и сам догадывался или просто понимал, как естественны для него некоторые вещи (например, то, что у него, вероятнее всего, в Греции было много родственников). Но все же впервые за всю жизнь его одолело желание хоть что-то узнать о своих родственниках и по линии отца. Теодора и Янис умерли, когда ему было девять лет, поэтому в основном все воспоминания о них строились на рассказах родителей. Он знал, что Янис был крупным, ростом два метра, с огромными ладонями и твердыми мышцами, ухоженной бородой, которая так и не поседела за всю его жизнь. Также он знал, что и Теа была весьма высокой, но худой и гибкой, как циркачка – по крайней мере, так говорил Александрос, отец Стефаноса. Он много раз видел их фотографии, которых было немного.

– Дорогой, нарежь салат, а то я совсем не успеваю, – пропыхтела Клавдия.

Стефан послушно засунул все письма обратно в книгу, которую затем положил на холодильник.

– Ну вот опять ты не убираешь ничего на место, книга будет лежать там до следующего года, – ругалась Клавдия, но голос ее, как всегда, не был строгим.

– Я потом ее еще полистаю. Когда уйдут гости.

– Вот увидишь, Барбара придет, как обычно, раньше времени.

Стефанос ничего не ответил. Он начал кое-как нарезать огурец, то и дело громко ударяя соскользнувшим ножом о деревянную дощечку. Это должен был быть греческий салат – единственное, что было в этом доме греческое, если не считать фамилии, имени и писем в шкафу. “Интересно, то, что я делаю, можно на самом деле называть греческим салатом?” – подумал он, открывая упаковку феты.

Клавдия откупорила бутылку вина. “Эта дамочка умеет жить,” – шутливо про себя отметил Стефан. Она разлила напиток по стаканам и протянула один сыну.

– За тебя, сын! – сказала она с улыбкой.

– А я и не знал, что ты пьешь с обеда, – Стефан подмигнул маме.

– Сегодня же праздник! Любимый сын отмечает двадцатидевятилетие!

Раздался звонок в дверь. Гости пришли на полчаса раньше.

– Клавдия, как ты хорошо выглядишь! – раздался в коридоре голос Барбары, едва открылась дверь. – С днем рождения, племянш! Надеюсь, ты не сильно расстроишься, но мои звездочки сегодня на генеральной репетиции спектакля... опять забыла название!

Пухлая женщина с ногами, покрытыми синими выпуклыми венами, была одета в красный сарафан, который явно был тесен ей в груди. Ее волосы были завиты в тугие кудри, на макушке красовалась уродливая заколка в цвет платья, а на отвисших мочках болтались тяжелые жемчужные серьги.

– Ой, как жаль, – наигранно ответил Стефан, с отвращением принимая смачные поцелуи тетушки.

– Я же не могла не поздравить своего любимого племянника. Хотя я могла пойти на репетицию, уж для меня вход у них всегда открыт.

Они вместе прошли на кухню, где уже пахло уткой.

– Они у меня, конечно, вообще! Какие девчонки!

– Да-да, молодцы, – согласилась Клавдия.

Стефан продолжил резать салат, стараясь не слушать не замолкающую ни на секунду тетюшку, которая все говорила и говорила о своих дочках. Стефан снова задумался о своей родне в Греции. Какие они? Такие же суматошные, как тетя Барбара, и заносчивые, как Ольга и Сабина? А может, они совсем другие? Веселые и добрые, как был его отец? А может, они такие замкнутые, что даже не захотят ничего знать о нем? Живут под солнцем, попивают лимонад круглый год... Или что пьют в Греции?

– Ну а ты-то что? Такой кабан на шее у мамки! – прервала его размышления тетя.

– Нет, ты что! – заступилась Клавдия, не давая ответить сыну. – Он мне помогает. Мне с ним лучше, чем одной.

– Ну да, ну да. В конце концов, зачем плохо говорить об имениннике, – согласилась Барбара, расставляя тарелки.

– Спасибо, тетя Барби, вы умеете сказать добрые слова, – улыбнулся в ответ Стефан, который давно привык к ней.

Раздался звонок в дверь. Стефан с облегчением выдохнул, радуясь, что хоть на мгновение сможет избавиться от общества Барбары, и направился в коридор, чтобы встретить гостью. Это была Линда. Каждый, кто видел ее, понимал, чей характер достался Барбаре.

– Эти дуры тут? – первое, что спросила бабушка, увидев внука.

– Если ты про Ольгу и Сабину, то нет, бабуль, они сегодня не придут, – улыбнулся Стефан и протянул Линде руку, чтобы та могла на него опереться, пока снимает обувь.

Со стороны их общение выглядело крайне странным. Но для их семьи это было нормально. Они так общались, и не нужно было обижаться на это или воспринимать их слова всерьез. Прямолинейность – главная черта Шульцев. Такой была девичья фамилия Клавдии. К счастью, у нее был другой характер. Она умело пропускала все мимо ушей, а в нужный момент могла предотвратить ссору.

Когда все сели за стол, который ломился от закусок, Барбара продолжила говорить о своих дочерях, а бабушка Линда пыталась доказать, что они глупы, как и их мать.

– Как-то однажды мне довелось провести с Ольгой и Сабинкой полдня, – говорила она. – Так вот, эти девчонки лучше снотворного! То и дело говорили о том, какие они молодцы. Хотелось надавать им подзатыльников!

– Мама, это твои внучки! Как ты можешь о них так говорить! – оскорбленно воскликнула Барбара.

– А надо было их воспитывать нормально! Вот Стефан: хоть и избалован, но нос свой не задирает выше всех. Где вы взяли это вино? – спросила, поморщившись, Линда. – На вкус как ослиная моча.

– Это хорошее вино. Стефан выбирал его сам, – заступилась Клавдия.

– Стефан, у тебя отвратительный вкус, – отрезала бабушка.

– Сколько тебе лет исполнилось, Стефан? – заговорила Барбара.

– Двадцать девять, – ответил Стефанос, смакуя вино.

– Знаешь, чем я занималась в двадцать девять? – прочавкала Линда. – В двадцать девять у меня уже было два ребенка и один выкидыш.

Стефан смеялся над тем, какую чушь несли его родственники, а Клавдия то и дело одергивала его, чтобы он не сказал какую-нибудь глупость. Его это ни капли не задевало, он был уверен, что их споры лишь от скуки. Для себя он давно понял, что эти женщины, рядом с которыми нет мужчин, живут за счет таких разговоров. В этом был смысл их жизни. Никчем-

ный, поразительно глупый смысл, которым живут многие. Но была одна вещь, которая его все же расстраивала. Ему до ужаса не хватало нормальной семьи. Да, сложно сказать, что можно назвать нормальным. Но хотелось бы, чтобы каждый просто порадовался за другого, а не закатывал глаза, и чтобы каждый разговор не заканчивался руганью. Это не касалось только Линды и Барби. Такими же были родные братья Линды и все остальные родственники Стефаноса. К счастью, с ними они встречались лишь на больших праздниках, и Стефан не расстроился бы, если бы больше никогда их не увидел.

Сегодня этот кошмар длился недолго. Уже через два часа Барбара и Линда стали собираться, еще раз поздравив с праздником Стефана, который все это время поглядывал на корешок книги, так заманчиво смотрящий на него.

– Мам, как так получилось, что ты совсем не похожа на бабушку и Барбару? – спросил Стефан, загружая грязную посуду в посудомойку.

– Что ты имеешь в виду? – улыбнулась она.

– Ну, я о том, что ты как будто из другой семьи, словно ты не росла среди них.

Клавдия хмыкнула, пожав плечами, и убрала недоеденную утку в холодильник.

– Я тут подумал, – начал он, не дожидаясь ответа, – что, если нам поехать в Грецию? Отдохнем, развеемся, позагораем.

– Хах, кто бы отпустил меня с работы, – снова хмыкнула Клавдия.

– Да зачем тебе эта работа, поехали!

– Стеф, мне она нужна, чтобы не сойти с ума.

Он не стал возражать. Мать можно было понять: после смерти отца она прекрасно держалась, и то только благодаря тому, что ей было чем заняться. Возможно, если бы она отправилась на отдых, лежала там на солнце и ничего не делала бы, те чувства, которые все это время она прекрасно скрывала, вырвались бы наружу.

Стефанос включил посудомойку и наконец достал со шкафа книгу, которая все это время словно шептала ему: “Открой меня”, и сел за стол.

– Как думаешь, я бы смог найти их? – спросил он, проводя рукой по желтым письмам.

– Я думаю, что ты только потеряешь время. – Клавдия села, поставив рядом с собой бокал вина, и посмотрела на письма. – Скорее всего, они уже умерли или переехали. И даже если нет, думаешь, им будет дело до тебя?

Стефан не особо слушал, что говорила мама. Он уже листал книгу. Красивые картинки так и манили. Боги, циклопы, троянский конь – все это было так интересно и загадочно. Сейчас он искренне не понимал, почему он раньше не интересовался этим. Может, он был слишком молод для этого? Знания о культуре его народа могли бы приблизить его хоть немного к своей семье, которую он никогда не знал и, возможно, никогда не узнает.

– Да, думаю, ты права. Глупо надеяться, что кто-то будет рад видеть меня, – наконец ответил Стефан, отмахиваясь от своих размышлений.

Он вдруг представил, как вел бы себя, если бы к нему домой вдруг явился родственник, о котором он прежде даже не слышал. Вероятнее всего, он бы отнесся к нему с недоверием. Значит, и его вряд ли кто-то захочет видеть.

– Но я не говорю, что это невозможно.

Клавдия допила вино и встала из-за стола. Повисла тишина. Стефаносу показалось, что их разговор был очень интимным: все сводилось к тому, о чем они совсем не разговаривали, когда оставались вдвоем, – об Александре.

– Ты скучаешь по нему? – тихо, словно боясь спугнуть эту атмосферу, спросил Стефан.

– По отцу? – переспросила Клавдия. – А ты думаешь, есть варианты?

– Просто ты совсем не говоришь о нем, – начал оправдываться Стефанос, расстроившись из-за того, что задал этот вопрос.

– Конечно я скучаю! Да, мне не хватает его рядом. Вся жизнь пройдена рука об руку, а сейчас я должна проживать все это одна. – она продолжала говорить спокойно и медленно, словно речь шла о повседневных делах. – Не секрет, что *это* должно было случиться в какой-то момент. Еще ни одному человеку не довелось избежать *этого*. Само собой, я и не думала, что этот момент наступит настолько скоро, но...

Она так настойчиво избегала слово “смерть”, что могло показаться, что речь шла о чем-то другом.

– Я тоже скучаю, – наконец прошептал Стефанос.

Он давно хотел произнести эти слова, но никто не спрашивал его об этом. И вот сейчас он наконец это сказал, осознавая, что по отцу он действительно скучает. Самый светлый человек в их семье. Умеющий пошутить и в то же время умеющий быть строгим, когда это требовалось. Он был человеком, который любил жизнь, и вот он лишился ее.

– Что-то я сегодня устала, пойду прилягу, – сказала Клавдия.

Она прошаркала до коридора. Еще какое-то время слышались ее шаги, пока она не дошла до своей спальни и не улеглась на большую двуспальную кровать, половину которой уже никто не занимал пару месяцев. Стефанос остался на кухне один. Он был уверен, что даже сейчас Клавдия не плакала. Она была доброй, но скупой не эмоции.

Солнце начало садиться, окрашивая облака в золотисто-розовый цвет. Как раз в это время Стефан открыл страницу, на которой был изображен восседающий на троне Зевс. Ему вдруг показалось, что этот огромный мужчина с длинной бородой и оголенным торсом сидел на одном из облаков за окном и смотрел на него. Смотрел на всех и видел все. А золотой свет исходил от него, а не от солнца, рисуя ободок вокруг облаков.

Почему он никогда не был в Греции? На Олимпе? В Акрополе? Почему отец этого так боялся? Его пугала его история? История предков?

Стефанос подошел к холодильнику, чтобы налить себе вина. Белое, которое они пили за обедом, закончилось, осталась лишь бутылка красного, которое они с мамой открыли пару дней назад за ужином. В тот день Григориадис решил приготовить пасту с моллюсками для Клавдии. Он любил готовить, но делал это лишь изредка – когда настроение было таким, что хотелось сделать что-то особенное к ужину. Например, как эта паста с моллюсками, купленными на местном рынке. Тогда продавец заверил, что их только выловили, а дома выяснилось, что не такие они и свежие. Стефанос вообще любил морепродукты. Но в Германии достать свежих обитателей моря сложно.

“Вначале существовал лишь вечный, безграничный, темный Хаос,” – снова прочитал он самую первую строчку. Хаос. Что это такое? Как это можно представить? Это ничего? Или, быть может, это все сразу в одной куче, случайное, беспорядочное? Что имели в виду греки, когда говорили об этом?

Красное прохладное вино оставляло приятное послевкусие. Стефан открыл на телефоне сайт, где покупают авиабилеты.

Откуда: Берлин.

Куда: Афины.

Дата:

Стефан задумался. Когда он может полететь в Афины? В выходные? Какие выходные? Следующие? Или, быть может, эти? Сегодня суббота. Он кликнул на завтрашнее число. Сайт быстро нашел ему билеты. Прямой рейс до Афин в одиннадцать утра или пять вечера. Все-таки утром – это слишком спонтанно. Хотя есть ли разница, если еще пару часов назад он об этом даже не думал. Да и как ему в голову пришла эта идея?

Григориадис выбрал пять вечера. Все же ему потребуется время, чтобы собрать вещи. Хотя... он же не поедет туда надолго. На неделю-две. Можно поехать и в одиннадцать. Он быстро оплатил билет и направился в спальню к маме, чтобы сообщить ей о своем отъезде.

– Мам, – шепотом сказал он, стоя в проходе спальни.

– М? – коротко промычала она в ответ.

Клавдия лежала на заправленной постели и дремала. В ее спальне было достаточно темно, хотя солнце еще окрашивало другие спальни в оранжевый цвет.

– Мам, ты спишь? – спросил он ее все так же шепотом.

– Нет, я просто закрыла глаза, – ответила она сонным голосом.

– Ма, – уже чуть громче прошептал Стефан и сел на ее кровать, – я завтра полечу в Афины. Ты не против? Ма?

– Хорошо-хорошо.

– Ты точно не против? – он погладил ее плечо.

– Делай что хочешь, дорогой. Пожалуйста, накрой меня пледом. Он лежит на кресле.

Стефанос послушно накрыл маму тонким махровым пледом.

– Во сколько? – все так же с закрытыми глазами спросила Клавдия.

– В одиннадцать.

– Хорошо.

Было видно, как сладкий сон овладевал ею, и Стефан, надеясь на то, что мама правда слышала его, а не отвечала во сне, прошел обратно на кухню, где его ждала книга с письмами и бокал вина.

Он снова начал разбирать адреса на конвертах. Ему было сложно прочесть даже их. Почерк был очень неразборчив, а чернила почти выцвели. С помощью переводчика он смог разобрать лишь то, что несколько писем было отправлено с острова Крит, а одно было прислано из Афин. Откуда были другие, он так и не понял. Его ломало от любопытства. И он ни разу не пожалел, что все-таки выбрал утренний рейс: до вечернего он бы просто сошел с ума. Он просидел почти целый вечер, читая мифы и разглядывая иллюстрации. Возникло желание самому нарисовать что-то мифическое. А может, создать своего бога. Какого бы бога, которого еще не существует, он бы изобразил? Бога еды? Да, скорее всего, такого бога в Древней Греции не было. Был бог виноделия – Дионис. Это он успел найти в книге. А как бы выглядел бог еды? Полный мужчина с обвисшей грудью? Да уж нет. Бог еды бы не толстел. На то он и бог, чтобы не быть похожим на людей.

Когда Стефанос дошел до середины книги, в глазах чувствовались сухость и жжение. Он быстро собрал чемодан и лег в постель. Всю ночь ему снились его родственники. Странные люди, совсем не похожие на людей: кто-то с одним глазом, кто-то вовсе без глаз, но видящий при помощи рук и носа. С длинными волосами, без волос, в странных одеждах и абсолютно голые. Сон был странным, жутким, пугающим, но до ужаса интересным. От волнения и предвкушения он проснулся очень рано. Это было несвойственно ему: Стефанос никогда не просыпался сам раньше десяти утра.

Летнее солнце уже освещало город. Большая часть немцев уже направлялась на работу. Часы, висящие на стене уже лет пятнадцать, немного покрытые пылью, показывали без пятнадцати шесть.

Стефанос еще какое-то время пытался уснуть хотя бы на час, но безуспешно. Раздался тихий стук в дверь.

– Входи, ма, – крикнул Стефан, и дверь тут же распахнулась.

Клавдия в синем шелковом халате, накинутом поверх белой ночнушки, встала в проеме комнаты.

– Ты чего не спишь? – спросил Григориадис женщину, которая была еще помята ото сна, но выглядела нежно и даже немного мило.

– Проснулась от солнца. Хотела спросить тебя, во сколько ты улетаешь.

Было радостно от осознания того, что Клавдия все же услышала его вчера, а не отвечала во сне.

– Вылет в одиннадцать. Думаю, через час можно будет уже выезжать, – ответил он и сел на кровать, обнажив свою спортивную грудь. Пытаться уснуть уже не было смысла.

– Думаю, ты неплохо проведешь там время, – продолжила мама. Было заметно, как она немного грустила и, вероятно, жалела о том, что не согласилась полететь вместе с сыном.

– Ты все еще можешь поехать со мной.

Клавдия улыбнулась и сильнее запахла халат.

– Я так понимаю, ты хочешь найти своих родственников, а я буду мешать.

Стефан понимал: продолжать уговаривать не было смысла. Клавдия была не из тех, кто спонтанно может куда-то вырваться. Это не вписывалось в ее размеренный стиль жизни. Стефанос был все же похож в этом на отца. Любая авантюра могла заставить его сорвать все планы. У него была много друзей и знакомых. Решение не отмечать день рождения с ними далась непросто. Но эта пауза была ему просто необходима. Григориадис был легок на подъем, и эта поездка была тому подтверждением.

– Извини, я вчера так быстро уснула.

– Ничего, ма.

Женщина лишь улыбнулась в ответ и ушла, прикрыв за собой дверь.

Стефанос ощущал изменения в матери после смерти отца, но они были едва уловимы. Она любила мужа. Как и Александрос любил Клавдию. Они были семьей. Настоящей семьей. Такой, которую представляют, когда говорят о семьях. Но была в их семье одна странность: отец знал, что у него много родственников, но ничего не пытался о них узнать. Никогда это не обсуждалось, ничьи имена, кроме Теи и Яниса, никогда не упоминались во время семейных разговоров. Нельзя говорить, что Стефаносу это не нравилось, но желание увидеть хотя бы кого-то из них время от времени посещало его.

Какое-то время Григориадис еще повалялся на кровати, потом наконец собрался, попрощался с мамой, которая уже пила кофе на кухне, и направился в аэропорт.

Ожидая посадки, Стефанос выбрал отель, в котором планировал остановиться в Афинах. Он был до ужаса взволнован и пару раз уже успел передумать: он никогда не путешествовал один, а люди, которые ездят куда-то без компании, казались ему странными. Но чем старше Стефан становился, тем больше он проводил времени с самим собой. Для такого экстраверта, как он, это не совсем привычное дело, но что-то в этих днях одиночества было особенное, что-то, что помогало понять себя, очистить мысли и сосредоточиться на работе, своих планах. Нет, это никак не было похоже на поведение замкнутого человека: Григориадис не замыкался от этого. Каждый человек периодически проводит время без людей, но кто-то это ценит и дорожит такими моментами, а кто-то старается этого избежать. Возможно, и это путешествие будет открытием чего-то нового для Стефаноса. Он с легкостью заводил знакомства, и сейчас он был больше чем уверен, что найдет если не родственника, то кого-то по душе в этой стране.

АФИНЫ

Перелет был легким и комфортным, несмотря на то что в самолете не было свободных мест. В аэропорту Элефтериос Венизелос было много шумных путешественников, у входа стояли громкие таксисты, старающиеся как можно скорее отхватить самого выгодного клиента, желательно иностранца, который от незнания заплатит в два раза больше. Именно с одним из таких таксистов на желтой старой машине, в которой кондиционер с трудом разгонял по кабине горячий воздух, Стефанос добрался до отеля. Было еще жарче, чем в Берлине, и от этого Григориадис быстро покрылся потом.

Худощавый таксист в хлопковой клетчатой фуражке, которая была ему велика и то и дело съезжала набок, высадил Стефана, остановившись посреди оживленной узкой дороги. Григориадис вышел из машины, не нарочно громко хлопнув дверью, вытащил из багажника чемодан и отбежал к тротуару, подальше от сигналивших ему вслед автомобилей.

Стефанос был уверен, что мужчина привезет его туда, куда нужно. Но когда он открыл карту в своем телефоне, он увидел, что тот высадил его в двух кварталах от отеля. К счастью, дорога заняла всего пару минут, но раздражение на мужчину, который знал точный адрес, длилось гораздо дольше.

Улица, по которой он шел, переходила в переулок, где должен был находиться отель. Старые обшарпанные белые дома, разрисованные граффити, дорога с ямами и дырами в асфальте, балконы, на которых сушилась одежда. Все это не было симпатично Григориадису. Единственное, что украшало эту улицу, – деревья с ярко-розовыми цветами, гроздьями, свисающими с веток. Лепестки цветков осыпались на дорогу и от ветра весело перекатывались, из-за чего казалось, что вся улица была розовой.

Для Стефана было неожиданностью, что отель, который находился через дорогу от Храма Гефеста, располагался на этой незатейливой, абсолютно ничем не примечательной улице. Навигатор показывал, что он уже добрался до нужной точки, но еще пять минут Стефанос не мог понять, где именно находится отель, пока не заметил маленькую вывеску с названием на одном из подъездов. Это было белое обшарпанное здание – такое же, как и остальные на этой улице, со входом за высоким забором. Рядом стояли свободные столики соседнего кафе. Там не было ни посетителей, ни официантов. Абсолютная тишина, никаких признаков жизни. Стефанос знал о сиесте, но не ожидал, что в это время город вымирает. Тонким длинным пальцем Стефанос нажал на единственный звонок на двери забора. Ничего не происходило. Дверь не открылась, никто не вышел и не ответил. Он позвонил еще несколько раз. Никакого ответа. Подергал дверь – снова без результата. На улице не было ни одного человека, и спросить, в чем дело, было не у кого. Стефан нашел номер отеля и позвонил. Трубку сняли лишь на пятый раз. В тот же момент он заметил шевеление в одном из окон.

– Да! – раздался грубый рычащий голос в трубке.

– Добрый день. Это Стефанос Григориадис. У меня забронирован номер в вашем отеле. Я жду уже двадцать минут, никто не открывает, – протараторил Стефан, словно опасаясь, что собеседник вот-вот положит трубку.

В окне снова кто-то задвигался. В этот раз можно было разглядеть, что мужчина, держащий у уха телефон, смотрел за забор сквозь тюль.

– Заезд после четырех, – коротко ответил мужчина.

– Извините, но это уже через час, может, я мог бы оставить у вас чемодан на время?

– Нет, – буркнул мужчина и повесил трубку.

Стефаноса уже начало все здесь раздражать. Почему нельзя взять на час его чемодан? Да еще и в самый солнцепек?

Потный, умирающий от жажды и сердитый на весь мир, он пошел в сторону Храма Гефеста. Недалеко от парка он увидел ресторан, который был открыт. Переждав там час и пообедав бургером с картошкой, недовольный работой официантов, которые обслуживали его, словно делая одолжение, он наконец отправился в отель в надежде, что в этот раз его заселят в номер.

Теперь после первого же звонка в домофон калитка распахнулась. Турист оказался на крошечной территории отеля. Вдоль забора стоял разный хлам: ведро со шваброй, скрученные шланги, пакеты с грязным постельным бельем. На ресепшен его ждал тот самый мужчина, который еще час назад коротко отвечал ему по телефону. Сейчас он стоял за стойкой регистрации с широкой улыбкой, готовый выслушать своего гостя.

– Мистер Григориадис? – улыбнулся он.

– Да, я звонил вам... – начал он, но мужчина с блестящей пятнистой лысиной перебил его.

– Ваш номер готов, мистер Григориадис. Мне нужен ваш паспорт.

Стефан послушно протянул документ мужчине. Пока тот заполнял данные в компьютере, очень медленно печатая на старой клавиатуре, Стефанос разглядывал ресепшен. Душное маленькое пространство было выкрашено в белый цвет. Хотя ремонт был сделан недавно, из-за некачественной работы и материалов стены уже начали трескаться, на потолке проступили пятна. Плафоны были набиты мертвыми мошками. Стефанос снова перевел внимание на мужчину; тот уже закончил с оформлением документов и в который раз перепроверял, правильно ли он все заполнил. Затем сотрудник отеля протянул ключ от номера, и вдруг Стефаноса осенило.

– Извините, не могли бы вы посмотреть это письмо? – он начал доставать из сумки, висевшей на плече, книгу с конвертами. – Тут указан адрес, я не могу разобрать.

Мужчина явно не был в восторге от этой просьбы, но все же взял конверт и поднес его максимально близко к лицу. Он молча разглядывал текст на конверте, и Стефан уже было подумал, что никто не сможет разобрать, что там написано.

– Это на другом конце города. Что вы от меня хотите?

– Я не могу прочесть адрес, можете мне написать его на бумаге так, чтобы было понятно? – спросил он и, заметив выражение лица мужчины, тут же добавил: – Конечно, если вам не трудно.

Мужчина молча оторвал клочок бумаги и написал адрес. После этого он так же молча протянул бумажку Стефаносу.

– Огромное спасибо, – вежливо сказал он, проверяя, достаточно ли разборчиво написал мужчина.

– Хорошего дня.

Было сложно разговаривать с человеком, который вежлив только потому, что так надо. Первое впечатление от страны у Григориадиса было неоднозначное: грубые, неторопливые люди раздражали.

Еще большее разочарование его ждало, когда он увидел свой номер, который явно не соответствовал изображенному на сайте. Стефан ожидал увидеть номер с видом на Акрополь, но из окон был виден обшарпанный дом напротив, а балкона и вовсе не было. Ванная комната была до ужаса тесная, а кран в душевой был сломан.

Уставший и уже порядком раздраженный от произошедшего, он вылетел из своего номера и спустился на ресепшен.

– Извините, мистер, но я оплатил номер с балконом и видом на Акрополь, – сердито произнес он.

– Нет, вы получили ваш номер, – ответил мужчина и направился в комнату для персонала.

– Как же нет? – начал говорить он, почти заикаясь от злости. – Как же нет? Вот, посмотрите!

Григориадис протянул ему телефон с подтверждением бронирования.

– Не нужно мне тыкать ваш телефон! Тыкает он мне тут... – пробормотал мужчина, но все же подошел к компьютеру и внимательно посмотрел в экран, медленно водя мышкой.

Повисла тишина, которую нарушали лишь щелчки мыши.

– Ничего не знаю! – наконец выпалил сотрудник. – Пишите жалобу! Это не моя работа.

Он снова зашагал в сторону комнаты для персонала.

– Хорошо, сколько будут рассматривать мою жалобу?

– До двух недель, – рявкнул мужчина и зашел в комнату, захлопнув за собой дверь.

“Великолепно!” – подумал Стефанос и поднялся к себе в номер. Номер был забронирован на четыре дня, и он не знал, был ли смысл писать жалобу, ответ на которую он получит после своего отъезда.

По крайней мере, у него был адрес с того письма. Хотя после произошедшего его воодушевленное настроение куда-то улетучилось. Теперь ему казалось, что спонтанная идея приехать в Грецию и найти родственников была до ужаса нелепой и неоправданной. Его мнение по этому поводу менялось почти каждый час. Он то думал, что это вполне реально, то убеждал себя, что не стоит лететь на острова.

Пару часов Стефанос гулял по улицам города, и с каждым закоулком его ждало все большее разочарование. Он отлично знал, что Греция переживает не лучшие времена, но не ожидал, что столица такой страны выглядит настолько печально. Теперь он понял, почему четырехзвездочный отель находится на такой неприятной улице. Объяснение простое: так выглядят все Афины. Неинтересные дома в виде белых коробок с прохудившимися крышами, изрисованные красочными граффити. Окна первого этажа, где раньше размещались рестораны и магазины, были заколочены. Вероятно, эти заведения уже никогда не откроются, а арендовать обветшалые пространства с выбитыми стеклами осмелится лишь безумец. В какой-то момент Стефану даже показалось, что не будь на этих стенах граффити, в которых так и считывалось недовольство молодежи, город выглядел бы еще более уныло. Эти рисунки хоть и нагнетали ужас и тоску, но были единственными яркими пятнами, делающими город немного интереснее.

Чем ближе он был к туристическим улицам, тем чаще ему встречались нищие, просящие милостыню: кто-то навязчиво подходил к туристам, тыча в лицо грязной ладонью с гремющими в ней монетами, кто-то положил рядом с собой шляпу. Но что больше всего удивило Григориадиса, так это стаи собак и кошек, бегающих по улицам в поисках еды.

Да, конечно, встречались люди при деньгах: большинство из них были туристами, но были и опрятно одетые, идущие к своим дорогим автомобилям местные жители. На небольших улицах стояли магазинчики, где продавали известные бренды одежды и ювелирные украшения, но от этого контраста нищета казалась еще более очевидной и отвратительной.

Во время прогулки по этим улочкам Стефаносу становилось не по себе. На фоне всего этого уныния величественно и статно над городом возвышался Акрополь – тянущийся к небу, словно к богам.

Охладившись ледяным фрэппе, он все же направился на вершину холма. Руины действительно производили впечатление: трудно было поверить, что все это строили люди еще до нашей эры. А может, боги действительно существовали?

Но и здесь, на вершине, ждали не самые приятные сюрпризы: часть Парфенона была огорожена строительными лесами, а рядом стоял кран. В какой-то момент можно было подумать, что строительные работы были в самом разгаре, но Стефанос не увидел ни одного работника. Сколько лет уже ведутся работы? Десять? Больше? Сколько на самом деле требуется времени на то, чтобы отреставрировать столь важный памятник истории?

Но Стефанос все же был рад тому, что находился здесь, и ни капли не жалел об этом. Улицы города были пропитаны силой истории, хотя теперь это едва считывалось в грязных обличовках. Не так себе это представлял Григориадис, листовая книга с мифами. Было грустно от осознания того, как легко люди могут разрушить этот хрупкий мир. Скольким весь мир благодарен Греции: Олимпиада, медицина... А сейчас перед ним были никому не нужные Афины со стаями собак и нищими.

Еще какое-то время Григориадис, спустившись с горы Акрополя, гулял по городу. Он хотел провести в Афинах минимум четыре дня, но теперь ему казалось, что и этого много. Смотреть здесь было действительно нечего, кроме развалин, которые он уже обошел за вечер.

Он надеялся, что найдет все-таки отправителя по адресу, написанному на клочке бумаги. Было неясно даже, кого он должен там найти. Судя по письму, он искал К. Пападакиса. Стефанос никого не знал с этой фамилией. Он даже не мог придумать, что сказать, если вдруг окажется, что человек с такой фамилией проживает по этому адресу. Вероятнее всего, это будет ребенок или внук этого человека. А что, если это была женщина, которая вышла замуж и поменяла фамилию? Или, может, не было у этого человека детей? И он давно умер?

Размышления не покидали Стефаноса весь вечер, а утром, когда он направился на поиски, его накрыла страшная тревога: он переживал перед встречей. Ко всему прочему, за ночь Стефан спал лишь пару часов, но не потому, что мысли не давали ему покоя, а потому, что стены отеля были настолько тонкими, что слышен был каждый шорох. Поэтому настроение было испорчено еще до того, как Стефанос подошел к нужному дому и не нашел на табличках почтовых ящиков нужной фамилии. Район, в котором он находился, хоть и был в другой части города, но ничем не отличался от улиц, по которым он гулял еще вчера. Те же пятиэтажки, выкрашенные в белый, с граффити, на балконах так же сушится постиранное белье, растянутое на веревках, которое охраняют огромные коты, покрытые пылью.

Стефанос снова убедился, что приехать сюда было ошибкой. Он сел на тротуар в тени апельсинового дерева, с которого сорвал крупный апельсин. Фрукт чистился с трудом, из-за этого по рукам начал течь липкий сок, который капал на пыльный асфальт, оставляя на нем мокрые следы. Вдруг из ниоткуда появился пятнистый кот и сел рядом с Григориадисом, прищурив глаза от яркого солнца.

– Ты кто такой? – спросил Стефанос.

Кот прислонился к нему, словно ожидая ласки. Стефан погладил его по голове тыльной стороной ладони, чтобы не испачкать шерсть апельсиновым соком.

– Тебе такое нельзя, – снова обратился он к коту, который нагло прислонился к его ноге и понюхал фрукт.

Вдруг с соседней улицы послышался шум, а затем показался и сам источник шума – старенький мопед. Девушка в джинсовых шортах и футболке с сумкой через плечо и в черном шлеме остановилась в паре метров от Григориадиса. Она сняла шлем, и черные волнистые волосы рассыпались по ее спине. Кот сразу же подбежал к ней и начал тереться о ее ноги, узнав свою знакомую. Девушка с подозрением посмотрела на Стефаноса и направилась к подъезду, возле которого он сидел, копаясь в своей сумке в поисках ключей.

– Извините, – вдруг резко крикнул Стефан, обращаясь к девушке по-английски, от чего та дернулась от испуга.

Держа в руке недоеденный апельсин, который оказался до ужаса кислым, он встал и направился к девушке, которая вместо ответа лишь снова бросила на него презрительный взгляд.

– Извините, мадам, – снова обратился он, – вы говорите по-английски? Может, немецкий?

– Что вы хотите? – спросила она по-английски.

– Я ищу Пападакиса.

По лицу девушки было понятно, что она едва понимает его речь.

– Что? – спросила она.

Стефанос нервно достал письмо, перед этим положив апельсин на землю.

– Я ищу Пападакиса, вот, – сказал он, указывая на фамилию на конверте.

– Нет, – девушка обнадеживающе взяла конверт и прочитала еще раз фамилию и адрес, – Пападакиса тут нет.

Теперь Стефан окончательно отчаялся. А еще этот апельсин, от которого руки стали липкими.

– А вы могли бы прочитать письмо и сказать, о чем оно?

Девушка замялась. Она явно не понимала Стефаноса.

– Сейчас, – сказала она и побежала в подъезд дома, ловко открыв найденным в сумке ключом дверь.

Стефанос вскинул голову и направил лицо к солнцу, наслаждаясь тем, как приятно оно обжигает кожу. В какой-то момент он уже решил, что зря теряет время и ждет девушку, которая даже не понимает его, и проще сходить к переводчику, но в тот же миг железная дверь со скрипом распахнулась. Кудрявая девушка появилась на крыльце с седым мужчиной лет семи-десяти. Одет он был в синие полосатые шорты с глубокими накладными карманами, белую майку-алкоголичку, которая была настолько свободной, что оголяла грудь с одной стороны.

– Здравсте, – сказал он, подойдя ближе к Стефаносу, доставая сигарету из мятой пачки.

Табак пах очень горько, как самый дешевый и некачественный.

– Добрый день. Я Стефанос Григориадис, – представился он.

– Омир, – коротко произнес мужчина.

Кудрявая девушка стояла рядом и внимательно слушала их разговор.

– Я ищу Пападакиса, – не дожидаясь вопроса начал Стефанос, – но, как я уже понял, здесь таких нет.

– Все верно. – ответил мужчина, который говорил с сильным акцентом, но отлично все понимал и хорошо отвечал по-английски. – Он уже лет десять как тут не живет.

– Так вы его знали? – обрадовался Стефанос. Его сердце забилось с бешеной скоростью.

– Как же! Работал я с ним. Он, как и мой отец, всю жизнь возился с бумагами. Тут очереди к нему стояли.

– Кем он был?

– Да кем придется, тем и был. Адвокат, бухгалтер. Один из лучших. А я переводами занимался, помогал ему иногда переводить документы. Федос был отличный мужик.

– Федос? А не знаете никого на букву К?

Омир прищурился и внимательно посмотрел в глаза Стефаносу, словно пытался прочесть его мысли.

– А ты вообще кто такой? Откуда будешь? Вроде грек, а беседу не на греческом ведешь, – предложения он строил так необычно, что было сразу понятно, что он редко общался с кем-то на английском.

– Мои прародители родом из Греции, только я не знаю, как они тут жили и остался ли у меня здесь кто-то. Мой отец, их сын, умер три месяца назад, а я нашел письма в шкафу, все на греческом. – Стефанос достал из тряпичной сумки свою стопку писем, чтобы доказать мужчине, что он не врет. – И мне стало интересно, найду ли я кого-то.

Омир с интересом посмотрел на стопку. Девушка, которая все это время стояла рядом, тоже уставилась на них.

– Пошли, – махнул рукой мужчина и пошел куда-то.

Стефанос последовал за ним. Мужчина шел быстрым шагом и на ходу выкинул окуроч на дорогу. Они вдвоем завернули за угол, где была небольшая кафешка со столиками на улице. Занято было лишь несколько столов: за ними сидели греки. Когда они вошли, все мужчины

поздоровались с Омиром. Внутри было немного прохладнее, и там тоже сидело несколько посетителей.

– Давай, сынок, что там у тебя? Заплатишь пивом мне, а я тебе прочту письма.

К столу подошел официант в серых шортах в катышках и белой растянутой футболке, который отличался от гостей лишь тем, что на нем был серый фартук.

– Голодный? – обратился Омир к Стефаносу.

– Ну не то чтобы... – Григориадис осмотрелся.

Есть в этом заведении он совсем не хотел. Деревянные обшарпанные столы, застеленные клеенкой, производили не самое приятное впечатление. Было страшно представить, что происходило на кухне, если никто не следил за залом. В это время Омир сделал заказ.

– А мне греческий салат, – все-таки произнес Стефан.

Официант молча ушел в сторону кухни.

– Если вам не сложно. – наконец протянул он письмо Пападакиса. – Я совершенно не знаю, о чем здесь речь.

Омир взял развернутый лист бумаги, слегка вытянув руку, как делают те, у кого даль-нозоркость. Девушка, имя которой Стефан все еще не узнал, тоже заглянула в письмо. Они несколько минут читали текст, время от времени перешептываясь. За это время официант успел принести два пива и фраппе для Стефаноса.

– Как я и думал, сынок, – серьезно произнес Омир и замолчал.

– Что? – не выдержал Стефан.

– Да помогал он им с оформлением документов, – мужчина взял кружку пива и выпил за раз половину, делая большие глотки.

– Кому “им”?

– Кому-кому, деду твоему с женой его.

– В смысле, с бабушкой? – уточнил Стефанос.

– Само собой, – усмехнулся Омир.

В этот момент официант принес еду. Перед Омиром и девушкой он поставил огромные тарелки с мясом ягненка с картошкой и морковью, украшенные большим количеством свежей зелени. Для Стефаноса он принес глубокую миску с греческим салатом: крупно нарезанные желтые, красные и розовые помидоры, огурцы, также нарезанные крупными брусками, кольца красного лука, фиолетовые миндалевидные оливки, огромный кусок феты, обильно посыпанный травами и залитый оливковым маслом.

Свою еду собеседники Григориадиса съели так быстро, словно боялись, что ее у них могут отнять. Вытерев рот салфеткой и швырнув ее на тарелку, мужчина произнес:

– Ну, нам пора.

– Вы уже уходите? А как же остальные письма? – расстроено спросил Стефанос, проглатывая сыр.

– Сынок, у нас нет столько времени, записывайся ко мне на прием, я тебе все переведу, но предупреждаю: ближайшая свободная дата у меня через месяц.

Двое быстрым шагом покинули заведение. Стефанос в окно увидел, как они уходят, о чем-то бурно разговаривая. У него было чувство, будто его только что обманули.

Он оплатил счет с самими дорогими блюдами из меню и не получил никакой внятной информации. Эта короткая фраза, что Пападакис просто помогал Тее и Янису с оформлением документов, не была похожа на правду, потому что текста в письме явно было больше. Что они обсуждали на трех страницах? Да и зачем вообще этому мужчине понадобилось писать это письмо уже после их переезда?

И снова Стефанос не знал, как поступать. Настроение упало, а все планы, которые он строил на эти дни, теперь казались бессмысленными. Он думал, что хотя бы узнает, что было написано в этих письмах, и поймет, имеет ли вообще смысл ехать на острова.

А что, если все это правда? И на самом деле все эти письма не были чем-то важным, а адреса, указанные на них, уже не существуют или живут там люди с другими фамилиями, не знакомые с бывшими жильцами?

Расстроенный, он отправился в музей Акрополя в районе Тисио. Стефанос был приятно удивлен: все же музей был действительно интересным и достойным местом для посещения. Он дал Стефаносу много ответов на вопросы по теме Акрополя, смог погрузить его в этот древний мир, который он знал лишь по книгам. Куски развалин, фрески, памятники, вазы... Но больше всего его впечатлило панорамное окно, выходящее на сам Акрополь.

На верхнем этаже слышалась немецкая речь: трое парней и три девушки что-то оживленно обсуждали, что-то, что вовсе не касалось темы Древней Греции. Стефанос подошел ближе, чтобы получше услышать их разговор. Их язык был немного странным, и он никак не мог понять, откуда они.

– Привет, – наконец сказал Стефан по-немецки, обращаясь к группе друзей.

Все резко замолчали и посмотрели на него. Григориадис вовсе не смутился: он любил быть в центре внимания.

– Привет, – ответили они хором.

Оказалось, что ребята были из Австрии. Они, как и Стефан, приехали в Афины на пару дней и на следующий день должны были отправиться на Миконос. Они тоже были не в восторге от самих Афин, но компанией путешествовать все-таки веселее. Три очаровательные девушки, Сибилла, Ева и Лаура, и не менее симпатичные парни, Нико, Маттиас и Рафаэль, с радостью позвали нового знакомого к ужину. В Афинах компания сняла на эти дни уютную просторную квартиру с огромной террасой с видом на Парфенон в самом современном районе Монастираки, где Стефаносу даже понравилось: там было много магазинов, цветущих деревьев и хорошо одетых туристов.

Они все вместе закупились продуктами и вином. В корзине оказались оливки самых разных цветов и форм, спелые фрукты и ягоды, свежавыжатый апельсиновый сок, сушеный инжир, мед с орехами, овощи, а в отделе с макаронами они взяли тархан, о котором никто из них до этого даже не слышал.

Молодые люди быстро нашли общий язык, а после пары бутылок вина даже показалось, что они старые знакомые. Вот такое общение без обязательств, ни о чем, за приготовлением еды на просторной кухне со стенами, обложенными белой плиткой, было идеальным времяпрепровождением Стефаноса. Назавтра он даже не вспомнит, о чем они говорили, но сегодня это был тот самый момент, ради которого стоило приехать в другую страну.

Они приготовили тархану с фетой и томатами черри. На вид блюдо напоминало ризотто, но на самом деле оно не было ни на что похоже, что-то абсолютно новое. На веранде было уютно и свежо; от множества закусок, каждую из которых хотелось распробовать, был полон живот, а от вина хотелось разговаривать до самого утра.

Стефанос рассказал новым друзьям о причине своей поездки. Все с интересом выслушали историю и о книге, найденной в шкафу, и об Омире. Конечно, не обошлось без приукрашивания.

– И что ты теперь планируешь делать? – спросил его Маттиас, который уже разлегся на уличном диванчике и попивал вино из бокала с высокой ножкой.

– Сам не знаю. – пожал плечами Стефан, рассматривая вино, которое стекало по стенкам бокала. – Может, поеду на Крит, а может, вернусь домой. Я подумаю об этом завтра.

– А я знаю, что ты можешь сделать! – сказала Ева, очаровательная блондинка с тонкой кожей и веснушками на носу. – Поехали с нами завтра на Миконос! Там и решишь, что делать дальше.

Стефаносу понравилась эта идея, но соглашаться так сразу он не хотел. Он осмотрел всех ребят. Их лица были розовыми то ли от вина, то ли от солнца, то ли от розового заката, который окрасил весь город в этот цвет.

– Да, почему бы и нет, – согласился Нико, парень с короткими темными волосами, крупным носом и густой бородой.

Солнце пряталось за Парфеноном. День казался бесконечно долгим. Ближе к ночи кто-то из ребят уснул прямо на диванчике, а кто-то продолжал болтать. Стефан покинул квартиру тихо, пока никто не видел. Он не хотел привлекать внимание, поэтому, не прощаясь, захватил с собой в дорогу недопитую бутылку вина и вышел на улицу.

Цикады громко трещали. Откуда-то раздавались крики кошек, время от времени мимо Стефана проезжали машины, и он отходил в сторону, чтобы пропустить их. В темноте сновали крысы. Как же повезло, что на пути ему не повстречался уличный бандит, который, угрожая ножом, мог бы украсть все его вещи!

В отеле его встретил мужчина, который был недоволен тем, что гости приходят после полуночи и будят его звонком в дверь. Только в номере Стефанос пожалел, что не попрощался с новыми знакомыми. Он не узнал номера их телефонов и теперь не мог спросить, во сколько они улетают на Миконос. Рейсов Афины – Миконос было множество, отходили и паромы, поэтому угадать, какой маршрут выбрала та компания, было сложно.

Наутро, когда Стефанос прокручивал в голове вчерашний день, он вдруг вспомнил, что, лежа в кровати ночью, прежде чем уснуть, он все-таки купил билеты на Миконос. Что именно двигало им вчера, было неясно. Но билеты уже куплены, а идти искать ту компанию, с которой он вчера так быстро разошелся, было глупо.

Расстраиваться было рано. Как никак, он никогда не слышал о том, чтобы кто-то из его родственников когда-то жил в Афинах. Возможно, Омир не наврал ему, и Пападакис был лишь юристом прародителей.

Новые друзья тоже его не искали, не звонила ему и Клавдия. Поэтому в какой-то момент, глядя на то, как солнечные лучи освещают его белоснежный номер, и слушая, чем сейчас занимаются его соседи, он загрустил. Стефан вдруг понял, что, находясь всегда в компаниях и проводя вечера в самых модных местах Берлина, он так и не нашел людей, которых бы волновала его жизнь. В то же время было грех жаловаться. Стефанос и сам едва ли интересовался делами других людей. Нет, конечно, у него было много друзей, разделяющих его интересы, но чтобы знать обо всем... Хотя не удивительно, что после расставания с Ингой ему стало важнее найти кого-то, кто бы ее заменил. Да, он не любил ее как человека, с которым он хотел бы провести остаток жизни: она раздражала его. Что их объединяло? Они были из одной тусовки. Другого ответа Стефанос дать не мог.

Долго думать об отношениях, а уж тем более об Инге ему не хотелось. От самобичевания и самокопания Стефан не страдал, наоборот, он редко думал о собственных чувствах. Впрочем, они никогда его не тревожили и не мешали нормальной жизни. Он не был чувствителен несмотря на свою творческую натуру художника. Без рисования, кстати, ему давались эти дни трудно, но, скорее, не потому, что ему как воздух было необходимо рисовать, а потому, что последние месяцы он действительно много и кропотливо работал над иллюстрациями для энциклопедии толщиной в пятьсот страниц. Конечно, он не все рисовал сам, но зато он следил за работой других художников. Поэтому сейчас, когда можно было отдохнуть от работы, ему постоянно казалось, что он делает недостаточно.

Валялся в постели Григориадис достаточно долго. На самом деле это было одно из его любимых занятий. Но день обещал быть интересным, ведь уже через пару часов он приземлился на Миконосе.

МИКОНОС

Белый остров казался ненастоящим с высоты полета. Стефанос выбрал отель сегмента люкс, чтобы не просыпаться от посторонних звуков. Хотя найти дешевый вариант было трудно: всем известно, что Миконос – место роскоши. Это классика, привлекающая самых богатых людей, как лыжные курорты Швейцарии.

Для Стефаноса деньги не были проблемой. Его сбережения на счету позволяли ему останавливаться в самых дорогих отелях, но Александрос с детства учил его обращаться с деньгами грамотно, не тратить на роскошь и ненужную мишуру. Конечно, их семья никогда ни в чем себе не отказывала. Они жили хорошо – лучше, чем большая часть немцев, но без излишка. Поэтому оплатить отель на Миконосе, где номер на три ночи стоил две тысячи евро, было не так уж и легко.

Номер был просторным, но не слишком. Из окна было видно море: отель находился на горе. На террасе номера стояли небольшой бассейн и джакузи. Стефанос был в восторге от своего решения.

Вечерняя прогулка по острову тоже была прекрасна. Белые домики с синими дверями, балкончиками и крышами выглядели как декорация, и с трудом верилось, что в них кто-то действительно жил. Узкие дорожки, вымощенные серым камнем, то спускались, то снова поднимались, время от времени превращаясь в ступеньки. На деревьях, посаженных вплотную к домам, красовались яркие цветы, что делало город еще более неправдоподобным. Людей было немного, вероятно, потому, что Стефанос шел сам по себе, не по туристической тропе, без особой цели увидеть какую-то достопримечательность. Зато по дороге встречались коты – разных расцветок, презрительно смотрящие свысока, прячущиеся под лестницами, греющиеся на солнце и просто занимающиеся какими-то своими кошачьими делами.

Когда дорожка наконец привела Стефаноса к Маленькой Венеции, он увидел уютный ресторан, столики которого стояли так близко к краю воды, что вода попадала на посетителей. Стефан посчитал большой удачей, что как раз к его приходу освободился столик. Было заметно, что гости этого заведения были туристами, прибывшими сюда на пароме на один день, чтобы посетить самые разрекламированные места. Истинные ценители отдыха приехали на остров совсем с другой целью: они дни и ночи проводили в клубах у моря, где вечеринки не заканчивались.

Стефан заказал себе рыбу на гриле и бутылку белого вина. Почти сразу ему принесли бутылку в ведре со льдом, оливки, оливковое масло и свежий хлеб. Прекрасная погода, вкуснейший микс из четырех видов оливок и хрустящий свежий хлеб, больше похожий на чиабатту, помогли скрасить ожидание: рыбу подали аж через час после того, как он сделал заказ. В какой-то момент мимо него прошло странное существо. Увидев его краем глаза, он сперва подумал, что это был ребенок, но шагал он уж очень медленно. Стефанос обернулся и увидел пеликана! Огромная птица, полтора метра высотой, вышагивала между столиками ресторана, словно был тут завсегдатаем. Гости ресторана моментально вытащили телефоны, чтобы сфотографировать крылатого гостя. Пеликан же спокойно прошел между столов и зашел на кухню. “Что еще удивительного и странного произойдет здесь со мной?” – с усмешкой подумал Стефан.

Вечерело. Григориадис даже не следил за временем. Слишком приятно было проводить этот день так, как он его проводил: без спешки гуляя по улочкам, наслаждаясь видами, поедая вкусную доряду с гриля с чуть подгоревшей корочкой и пробуя вкусные вина.

Все это время он думал о том, как ему поступить дальше. Ехать через три дня на Крит? А может, ему удастся найти здесь кого-то, кто мог бы ему наконец перевести все письма? Только кого? Как найти грека, который хотел бы этим заняться? Это казалось такой простой

задачей, но на самом деле каждый грек, который встречался ему на пути, не выглядел как человек, готовый помочь ему. Ну не просить же об этом официанта. Да и раскрываться перед каждым встречным, рассказывая историю своей семьи, не хотелось. Стефанос был открытым человеком, но не настолько, чтобы рассказывать такие интимные подробности всем подряд. Он вспомнил, как рассказал обо всем той компании друзей в Афинах.

Покончив с ужином, довольный Стефанос раздумывал о том, чем бы заняться дальше. Он совершенно не устал, несмотря на перелет и на то, что он ходил несколько часов. Казалось, что из-за погоды и морского воздуха у него появлялись силы.

Проходя мимо одного из пятизвездочных отелей, Стефан заинтересовался атмосферой в саду. На зеленой лужайке, не свойственной для здешних мест, стояли столы, рядом с которыми беседовали красиво одетые люди. Играла танцевальная музыка. Пальмы, украшенные гирляндами, делали лужайку более праздничной.

– Извините, вы будете заходить? – вдруг спросил чей-то мужской голос за его спиной.

Стефанос очнулся от размышлений и заметил, что стоял в проходе перед забором, где был вход на территорию отеля.

– Да, извините, – ответил он и прошмыгнул внутрь.

– Вы есть в списке? – услышал он и обернулся. Оказалось, спрашивали не его, а мужчину, стоящего сзади.

Стефанос прошел в сад. Атмосфера там была действительно праздничная: девушки были одеты в вечерние платья, а мужчины в костюмы. Григориадису сразу стало неловко за своей внешний вид: белые, немного затоптанные кроссовки, льняные бежевые шорты и льняная белая рубашка. К нему быстро подошел официант, подав фужер шампанского, которое Стефанос тут же выпил.

Это место, которое издаലെка выглядело как сад, оказалось на самом деле огромной территорией с бассейном, длинным баром и двухэтажным рестораном. Стефанос ходил один, рассматривая гостей мероприятия. Он никак не мог понять, где он оказался, но при этом не мог никого спросить об этом, так как не хотел выдавать, что попал сюда абсолютно случайно.

– Вы уже видели Монику? – говорил женщине в синем обтягивающем платье с увесистым бриллиантовыми колье мужчина, который сильно напоминал кого-то из звезд. Только кого, Стефанос никак не мог вспомнить.

– К сожалению, нет, но жду, когда она появится. Говорят, на ней будет восхитительное прозрачное платье.

– Она всегда выглядит великолепно, – сказал мужчина, немного похрюкивая.

Стефана разрывало от любопытства. О ком шла речь? Кто была та Моника?

– Я на днях смотрела ее новый фильм. Кажется, она похудела еще на пару килограммов для этой роли.

– Мгм-мгм, – протянул в ответ мужчина, словно смакуя еду.

К сожалению, на этом Григориадису пришлось закончить подслушивать чужие разговоры: к нему обратилась девушка с тугим длинным хвостом и уродливо сделанным носиком, который делал ее похожей на эльфа.

– Добрый день, – сказала она, мило улыбаясь, оголяя свои белоснежные зубы, – я Элайза. А вы?

– Стефанос. Стефанос Григориадис, – смущенно ответил он.

Он был раздражен из-за того, что у него не вышло остаться незамеченным в своей одежде, в которой он никак не вписывался в местную тусовку.

– Чем вы занимаетесь, Стефанос? – пропищала девушка.

– Я... – Стефанос задумался. Он не знал, что нужно ответить, поэтому ответил просто как есть: – Я художник.

– Вау! – воскликнула девушка. – И что же вы рисуете? Картины?

– Скорее, иллюстрации, – улыбнулся он.

– Ах, вы мультипликатор?

– Можно сказать и так. – ответил Стефан, не желающий продолжать этот разговор, а уж тем более столько рассказывать о себе. – А вы?

– А я певица.

Стефанос посмотрел на ее ротик с накрашенными красной помадой губами и с ужасом представил, как поет эта девушка с мерзким голосом.

– Извините, Элайза, мне нужно отойти, – сказал Стефанос и, улыбнувшись, покинул собеседницу.

Гостей становилось все больше. Стефанос ходил среди людей. Людей, большая часть которых была старше сорока и явно обладала огромными состояниями, гораздо большими, чем владел Стефанос. Он заметил и несколько звезд, некоторые из них были очень известными. В какой-то момент Стефаносу показалось, что там находились только известные люди.

– Вас тоже позвала на это мероприятие Моника? – спросила девушка в черном платье, обтягивающем ее пышную фигуру.

– Да, само собой, она лично позвала меня, – Григориadis в какой-то момент настолько вжился в роль одной из светских персон, что после пятого фужера шампанского сам начал верить в это.

Он уже успел представиться и мультипликатором из известнейшей мультипликационной компании, и художником, продающим картины в своих галереях в Нью-Йорке и Лондоне.

– Так вы знакомы с ней лично? – удивленно вздернула брови девушка.

– Да, но я бы не сказал, что близко. Просто знакомые, – Стефанос вдруг испугался, что сейчас его раскусят, учитывая, что он до сих пор не знал, о какой Монике идет речь и в честь кого была эта вечеринка.

– Жду не дождусь, чтобы поговорить с ней лично! Моника Брукс – моя любовь. – последнюю фразу девушка произнесла очень тихо. – Я даже не поверила, когда получила приглашение от ее агента на ее день рождения. Я отложила все дела и работу, лишь бы приехать на Миконос.

Стефан уже не слушал девушку в красном платье. Он не верил тому, что только что услышал. Моника Брукс? Та самая Моника? Актриса, фильмы с которой он смотрел с детства? Стефанос снова осмотрелся. Неужели все эти люди прямо или косвенно связаны с Моникой Брукс? А может, речь о другой женщине? О какой-то неизвестной ей однофамилице? Или все же речь шла о секс-иконе – женщине, о которой все мечтают? И Стефан, который еще вчера не знал, что окажется на острове Миконос, по чистой случайности попал на ее вечеринку?

Теперь Стефан не знал, как себя вести. С одной стороны, он хотел увидеть своего кумира вживую, рассказать об этом всем своим друзьям в Берлине (хотя вряд ли они бы поверили ему), а с другой – он хотел сбежать отсюда, лишь бы Моника не заметила его грязных белых кроссовок.

Атмосфера вечера поглощала. Стефанос получал колоссальное удовольствие от новых знакомств, с некоторыми из гостей он даже обменивался контактами. Но время шло, а виновницы торжества так и не было. Уже успело стемнеть, включились гирлянды на пальмах.

– Извините, мне нужно отойти, – сказал Стефанос уже пятнадцатому собеседнику и быстро направился искать уборную.

Он пошел к одному из домиков отеля, где должен был быть туалет. Когда Стефан вошел в здание, музыка, которую все это время приходилось перекрикивать, утихла, и даже показалось, что заложило уши. Стефанос осмотрелся. Это был небольшой двухэтажный домик на шесть номеров. В фойе отеля, который освещали лишь торшеры, пахло дороговизной. Таблички светились в полутьме, и Стефанос быстрым шагом направился к нужной двери. Мягкие ковры заглушали звук шагов. Стефанос помыл руки, пригладил торчащие в разные стороны кудри и вышел из уборной.

– Рита! – раздался женский голос со второго этажа.

Был слышен стук каблуков, а это означало, что на втором этаже ковров не было.

– Я повторяю в сотый раз: мне эта вечеринка и даром не нужна! Более того, все эти люди мне и перед смертью не понадобятся!

Стефанос не спешил выходить из домика, он хотел подслушать разговор. Женщина явно разговаривала по телефону, потому что ответы на ее реплики слышно не было. Как только раздалась шаги тех же каблуков, Стефанос поспешил к выходу: он хотел остаться незамеченным.

– Эй, ты! – рывкнула ему женщина. – А ну иди сюда!

Стефанос обернулся. По ступенькам спускалась сама Моника Брукс. Та самая Моника, на которой в пятнадцать лет Григориадис хотел жениться, чьи плакаты он вешал на стену. Она была в черном полупрозрачном платье, а идеально прямые волосы, как шелк, падали на плечи. Григориадис растерялся. Он не знал, как себя вести. С позором убежать? Попросить сфотографироваться и сказать, что он ее фанат? Или сделать вид, что ничего необычного не происходит?

– Добрый вечер, Моника, – улыбнулся Стефанос, который не слышал, что говорил.

– Ты кто такой? Я же сказала, чтобы никто из персонала не заходил сюда.

– Ох, извиняюсь, я вовсе не персонал. Я ваш гость, Стефанос Григориадис. Получил приглашение от вашего агента пару дней назад... – Стефанос сам не понимал, как он так успел сочинить легенду, но Моника, слушающая это все с презрением, прервала его на середине предложения.

– Стефанос Григориадис?

– Григориадис, – поправил он женщину и тут же пожалел об этом, так как та недовольно поджала губы.

– Ты грек? – ее тон изменился после того, как она узнала, что Стефан не работает тут.

– Да, грек, – коротко ответил Стефан, решив, что нет смысла рассказывать ей всю свою историю.

– Так странно, не помню, чтобы Стив отправлял приглашение какому-то греку, – она говорила спокойно, с придыханием.

– Да, но я грек лишь по отцу, по матери я немец. Я мультипликатор и художник, – Стефанос был в таком стрессе, что казалось, что он вот-вот упадет в обморок, но в то же время у него отлично получалось не выдавать свои эмоции.

– Поняла, – она закрыла глаза и замолчала.

Во время разговора Стефанос заметил, что актриса была то ли в состоянии опьянения, то ли еще чего похуже.... Это можно было заметить по тому, как она дергалась и смотрела сквозь Стефаноса своими стеклянными глазами.

– Моника, все в порядке? – спросил Стефанос, глядя на женщину, которая уже пять минут стояла, словно ошелобена, с закрытыми глазами.

– Да! Пошли! – закричала она и, подхватив его под руку, вышла на улицу.

Они вместе шли по темной тропинке между пальм к площади у бассейна, где играла музыка и развлекались гости.

– Веди себя спокойно и ничего никому не говори, – шепотом сказала Моника.

Стефанос был в ступоре: он в любом случае ничего бы не говорил. Его язык словно прилип к небу, а губы склеились, и все, что он мог делать, – это улыбаться. Все гости разом обернулись и начали хлопать, поздравляя звезду с днем рождения. Моника всех поблагодарила поцелуями в щеку. Все это время она держала руку Стефаноса, впиваясь в локоть своими длинными красными ногтями.

– А это мой хороший друг Стефан. – говорила она, представляя своего напарника. – Мы отдыхаем на острове вместе.

Стефанос выпил еще пару фужеров шампанского и уже сам начал радостно приветствовать поцелуями гостей, повторяя за Моникой.

– Мне вы сказали, что не знакомы с ней близко, – прошептала девушка, которой еще час назад Стефан рассказывал абсолютно другую легенду.

В ответ он лишь пожал плечами. Ему нравилось внимание, оно опьяняло еще больше, чем вино и шампанское. Григориадис был уверен, что все происходящее с ним сон, который когда-нибудь закончится. “Лишь бы не проснуться раньше времени”, – думал он.

Он знал, что Моника им пользуется для своих целей, но пока она обнимала его за талию, об этом не было желания даже думать. Стефан был готов даже на оскорбления с ее стороны, лишь бы провести с ней хоть немного времени.

Казалось, что безумный карнавал событий никогда не закончится. Все больше и больше новых людей, желающих поздравить Брукс с пятидесятилетием. Женщина, которая не выглядела на свой возраст благодаря косметологам и хирургам, пила фужер за фужером. В какой-то момент она начала держать равновесие только благодаря рядом стоящему Стефану.

Вечеринка длилась до поздней ночи. Стефанос даже не посмотрел на часы, когда Моника, все так же держа его за руку, направилась в тот домик, где они встретились. Она довела его до номера, сразу же побежала к кровати и плюхнулась туда прямо в одежде и туфлях.

– Пожалуй, я пойду, – сказал Стефан, не зная, как ему нужно было себя вести.

– Стой! – крикнула она. – Ты хочешь, чтобы все увидели, что ты уходишь?

– Мне остаться тут? – аккуратно спросил он.

– Угу, – промычала Моника.

Стефанос снял обувь и лег на край кровати. Чем дальше все это заходило, тем меньше верилось во все происходящее.

– Извини, – сказала женщина, уткнувшись лицом в подушку, – мне просто нужен кто-то, кто был бы моим партнером сегодня. Ты когда-нибудь был в прессе?

– Я? Нет.

– Так вот, завтра о нас напишут везде, из всех щелей будут кричать, что ты мой новый ухажер. Никому ничего не рассказывай. На любой вопрос просто отмалчивайся. Не давай никаких комментариев.

– Понял.

– Сколько тебе лет?

– Двадцать девять.

– Черт, – Моника тяжело выдохнула.

Уже через минуту раздался храп с ее стороны. Стефан выключил свет и уже через мгновение погрузился в сон на другом конце кровати. Это был бесконечный день, который наконец-то закончился. Такое безумное количество событий произошло за столь короткий период, что в голове все не укладывалось.

Утром Стефан проснулся оттого, что Моника бегала по номеру и запихивала вещи в чемодан.

– Вставай, мы через час выплываем на яхте.

– Что? – Стефан, который еще не до конца проснулся и не осознал, что все произошедшее было правдой, сел на кровать.

У него сильно болела спина: сон был настолько крепким, что он не ворочался и даже не перевернулся, а может, наоборот, даже во сне на подсознании он настолько не знал как себя вести рядом с Брукс, что боялся лишний раз пошевелиться.

– Мои друзья позвали нас на яхту. Надеюсь, ты не возражаешь?

Стефан сквозь слипшиеся ресницы посмотрел на собеседницу, которая выглядела свежо. На ней было белое льняное платье, большая соломенная шляпа и круглые темные очки. Григориадис не понимал, зачем она так ходила по номеру. Зачем она сначала надела очки и шляпу,

а только потом начала собирать вещи? Тем не менее она выглядела очаровательно. До сих пор не верилось, что звезда мирового масштаба сейчас ходит перед ним в своем номере.

– У меня даже нет с собой вещей. Все осталось в моем отеле, – сказал Стефан, глядя на небольшую текстильную сумку, в которой были лишь его письма, документы, солнцезащитные очки и бутылка воды.

– За это не переживай, Стив уже привез тебе вещи. – она показала пальцем на кучку вещей, аккуратно сложенных на кресле возле кофейного столика. – Все только и пишут о твоих кроссовках.

Стефанос подошел к креслу. Там лежали поло, светлые шорты с ремнем, трое плавок и дорогие мокасины. Все эти вещи выглядели так, будто принадлежали сорокалетнему богачу, отдыхающему в выходные на яхте.

Стефанос снова посмотрел на Монику. На самом деле ради нее он был готов ходить и голым. А что скажут его друзья, когда узнают, что он провел пару дней с самой красивой женщиной на свете!

– Ладно. – начала Моника и подошла к Стефаносу, глядя ему прямо в глаза. – Я понимаю, что перегибаю палку, но... сделай вид, что ты плохо говоришь по-английски. Я всем скажу, что ты грек и говоришь только по-немецки. Ты говорил, ты художник?

– Можно сказать и так.

– Отлично, так всем и скажем. И если ты проболтаешься...

– Поверьте мне, я буду нем как рыба.

Моника удовлетворенно улыбнулась. Стефан находился в состоянии какой-то безумной эйфории. Он смотрел на женщину, которая казалась нереальной.

Когда он привел себя в порядок и переоделся, они вместе спустились вниз. У бунгало уже стоял черный автомобиль, дверь которого держал крупный мужчина в черном костюме и очках. Выглядел он сурово. Они сели в машину. В салоне было прохладно.

– Вот, – сказала она, протянув свой телефон с открытой в ней статьей.

“Моника Брукс и ее мальчик” – гласил заголовок. Григориадис пробежался по тексту глазами. Там говорилось о том, что Моника наконец вышла в люди не одна после тяжелого разрыва и ее партнером оказался мальчик, который только-только окончил школу. Стефан понимал, что это преувеличение, но все равно его это задело. Еще там говорилось, что он даже не научился одеваться, а его кроссовки – это худшее, что могло случиться.

– Не расстраивайся, – сказала Моника, – есть и другие статьи.

Она открыла уже другой сайт, где было написано: “Небрежность и девственность, или Что привлекло Монику Брукс в юном греке”.

– Вчера я даже не заметила, что ты настолько молод. Я была немного... не в себе. Меня так все выбило из колеи. Я только закончила съемки в фильме, а мой пиар-агент уже устраивает эту глупую вечеринку.

Они ехали вдоль берега по узкой извилистой дороге, где с трудом помещалась одна машина. Стефан посмотрел на Монику. Ее колено нервно дергалось. Она то и дело поправляла прядь за ухом, которую не нужно было поправлять.

– Вы прекрасно выглядите, Моника, – сказал он.

– Благодарю, – улыбнулась она и поцеловала его в щеку.

Они остановились около порта, где были припаркованы яхты самых разных размеров. Держась за руки, они прошли по пирсу к большой белой стильной яхте. Стефанос успел прикинуть, сколько стоит такая яхта. Там уже стоял мужчина в кепке и две молодые девушки. Подойдя ближе, Стефан смог узнать знакомого ему актера, Томаса Рича, бывшего мужа Моники. Девушек в белых купальниках, которые прикасались к Томасу, он видел впервые.

– Доброе утро, дорогой! – крикнула Брукс.

Они обменялись поцелуями с Ричем.

- Это мой партнер Стефанос, – представила она Григориадиса.
- Очень приятно познакомиться, – сказал Том, протягивая руку.
- И я, – ответил нарочно коротко и с ошибкой Стефанос, пожав ему руку.
- Вы давно знакомы с Моникой?

– Извини, дорогой, но не нужно утруждать Стефа своими занудными вопросами. Он плохо говорит по-английски, – встряла в разговор Брукс.

– И на каком языке вы общаетесь? – спросил Том, когда они прошли чуть дальше на борт яхты.

- На языке любви, – дерзко ответила она.

Стефанос с интересом осматривал яхту. Белая, блестящая, с просторными каютами, которые внутри не выглядели как каюты яхты, просторный борт. Внутри стоял капитан – невысокий грек в темных очках с короткими черными волосами и золотистой кожей. Там же был повар, француз лет пятидесяти, и молодая девушка, национальность которой Стефанос так и не узнал, но точно знал, что звали ее Клара – смуглая, с длинными черными волосами, собранными в тугий хвост. В общем, команда собралась немаленькая, что только усложняло задачу держать язык за зубами.

Как только они расположились в своих каютах, время ускорилося, словно кто-то на видео-проигрывателе нажал перемотку. Это было безумное время. Оказалось, что на борту яхты было столько бутылок дорожущего шампанского, что им всем хватило его на все время плавания. Стефан не знал, сколько именно они там пробыли. Он не брал телефон в руки, не смотрел на часы, пил шампанское утром и днем, а вечером они переходили на текилу или виски. Целыми днями он целовался с Моникой, но только пока они находились на борту – в основном тогда, когда рядом проплывала чужая яхта или корабль. По ночам Моника оставалась с Томом, а Стефанос проводил время с его друзьями.

Дни перетекали в ночи, Стефанос начал наслаждаться тем, что ему ни с кем не нужно поддерживать диалог, и даже забыл, с какой целью он приехал в Грецию. Единственное, чего ему хотелось, – чтобы это время не заканчивалось. Они останавливались в портах разных островов, но Стефан даже не узнавал ни у кого, что это были за острова. Он просто шел за всеми, держа Моника под руку, и наслаждался тем, как люди вокруг – от обычных зевак до профессиональных папарацци – фотографируют их, чтобы выложить это в сеть или написать об этом статью. Стефану это нравилось. Он целовал Моника у всех на глазах. Ночные клубы ночью, отдых на яхте днем. Все по кругу. Но поездка все же не была бессмысленной: Стефан обзавелся новыми знакомствами. Например, в один из вечеров, когда они уже пятый час торчали в казино на одном из островов. Тогда Моника проиграла огромную сумму денег. Он впервые видел ее такой подавленной и в то же время возбужденной. Томас в какой-то момент начал ее успокаивать и убеждать, что, продолжив играть, она сделает только хуже.

– Почему вы не играете? – вдруг спросила девушка у Стефана, который в одиночестве наслаждался самым дорогим виски за блестящей барной стойкой.

– В таких играх я всегда проигрывающий, – ответил Стефан, позабыв об обещании ни с кем не вести разговор, и повернулся на стуле к девушке.

Рыжие длинные волосы, кожа, покрытая веснушками, голубая рубашка, больше похожая на мужскую, расстегнутая так, что можно было рассмотреть ее небольшую грудь.

- Зои, – сказала она и протянула руку.
- Стефанос, – ответил он на рукопожатие и сразу ощутил холод ее руки.
- Вы здесь надолго? – любопытно спросила она, пересаживаясь на барный стул рядом с Григориадисом.

– На один вечер. Я здесь с Моникой Брукс, мы вместе отдыхаем на яхте.

– Оу, – не ожидая такого ответа, произнесла Зои, – вы ее партнер?

Стефанос смутился. Ему не хотелось обманывать девушку, но втягивать ее в их авантюру ему хотелось еще меньше. Он оглянулся и посмотрел, как Томас успокаивал пьяную, ничего не понимающую Монику, которая теперь из-за своей истерики уже не так уж и привлекала Стефана.

– Нет, не партнер. Мы просто вместе отдыхаем, – ответил Стефанос и решил резко перевести тему разговора: – А вы что здесь делаете?

– На самом деле, – начала с улыбкой она – я владелица нескольких галерей в Лондоне. Здесь я встречаюсь с людьми, с которыми планирую проекты на следующий год.

– Вот это совпадение! – ответил Стефанос. – А я как раз художник!

– Забавно! – еще более воодушевленно ответила девушка. – Где вы представляете свои работы?

– Я проводил пару выставок, – соврал Стефан, в тот же момент пожалев об этом.

“Ну не рассказывать же ей, что последнюю картину на холсте я написал три года назад”, – подумал он.

– Но в основном это были небольшие выставки в Берлине, – он заметил, что после этой фразы Зои сразу потеряла интерес, – и Париже.

– И что же вы пишете? – спросила она.

“Вот я и попал, – подумал он.

– Сейчас я здесь, чтобы создать целую историю о Греции. Я хочу прожить каждый момент в этом месте, чтобы потом показать это в своих картинах, – Стефанос сам удивился своим словам. Он даже не думал об этом, а сейчас произносит все так, словно это давно было в его планах.

– Должно быть, вас ждет много работы, – ответила Зои, вскинув брови, и отпила из стакана розовый коктейль, который пару секунд назад поставил перед ней худощавый, болезненного вида официант.

– Ох, работы будет действительно немало, – произнес он, прикидывая, сколько времени ему потребовалось бы, чтобы нарисовать хотя бы тридцать картин.

– Я бы с радостью посмотрела на ваши работы. – сказала девушка, протягивая свою визитку. – Позвоните мне, когда будете готовы показать что-то.

Стефанос кивнул, засовывая небольшую белую карточку в задний карман брюк.

“А я буду рад вам их показать, – подумал он про себя, – если они когда-то появятся”.

– Вы работаете с художниками определенного уровня? Достигших идеала?

– Достигших идеала? Это как? – удивилась девушка.

– Ну, в искусстве к этому приходят с годами... – не зная ответа на свой же вопрос, произнес Стефан.

– Я вчера была на одной экскурсии, гид рассказывала миф и сказала, что только боги достигают идеала. Я много думала об этом и хочу сказать, что я согласна. Нам никогда не достичь его. Как бы мы ни старались, – девушка снова сделала глоток.

– То есть, по-вашему, не нужно даже стараться? – улыбнулся Стефан, жестом показывая официанту, что нужно долить виски.

– Конечно же нет! Стараться нужно.

– Но ведь мы все равно не достигнем желаемого. Есть ли в этом смысл в таком случае?

– А ваше желаемое – идеал? – девушка была возбуждена. – Разве вы считаете, что, однажды написав картину, вы сможете сказать, что она идеальна и больше не к чему стремиться?

– Возможно, вы правы. – признал свое поражение Стефан. – Вероятно, мы всю жизнь стремимся к идеалу, зная, что никогда его не достигнем. Но, приближаясь к нему, мы становимся ближе и к богам.

– Именно, – девушка была рада, что в этом разговоре она одержала победу, – ведь иначе наша жизнь будет сизифовым трудом.

– Сизифовым трудом? – переспросил Стефан.

– Да, – девушка загордилась, что знает то, чего не знает ее собеседник, – сизифов труд – это бессмысленность существования. Тяжелый труд, не приносящий каких-либо результатов. Тоже услышала от гида на экскурсии.

– В таком случае стремление к идеалу и есть сизифов труд, – снова начал спор Стефан, – ведь если мы так и не достигнем его.

– Как бы не так! – девушка залилась румянцем от их разговора. – Ведь Сизиф должен был вечно таскать в гору камень, который потом скатывался вниз, и ему приходилось начинать все сначала. А вы, достигая какой-то точки в своем мастерстве, никогда не вернетесь к исходной. И речь не только об искусстве.

– Вы такая умная, – сказал Стефан, заметив, как Томас ведет Монику к выходу.

– Ах, это не так, – рассмеялась девушка, – мне просто повезло с гидом.

– Зои, простите, – в спешке сказал Стефан, понимая, что ему тоже придется последовать за Моникой, – но я должен идти. Я вам обязательно позвоню.

– Прощайте, Стефанос, – улыбнулась девушка, провожая его взглядом.

Они вернулись на яхту, где Моника, закрывшись в своей комнате, делала то, что никому нельзя было видеть. Это происходило несколько раз в день. Она закрывалась в своей каюте, а через несколько минут выходила оттуда с блестящими глазами. Они были пустыми. Пустыми и грустными. Но Стефану нравилось наблюдать за этим, знать то, что не знает никто больше. Ему доставляло удовольствие быть частью этой яхты, ощущая себя чем-то большим, чем просто Стефанос Григориадис. Но еще большее удовольствие он получал от того, что он мог быть свидетелем хитрой схемы Моника со своим бывшим мужем. Почему они так поступали, его не волновало, но ему нравилось, что происходило что-то странное.

По подсчетам Стефана, прошло около недели. В маленькой гостиной зазвонил телефон. Сначала он хотел сделать вид, что ничего не происходит, и проигнорировать звонок, но потом, присмотревшись к телефону, лежащему на столе, понял, что звонили ему. Это была Клавдия.

– Да, мам, – заговорил он.

– У тебя все хорошо, дорогой? – спросила мама своим, как обычно, спокойным голосом.

– Да, все хорошо, как ты? – ответил он и заметил, как в гостиную вошла Клара.

– Я звоню, потому что ты мне ничего не сообщаем. Как продвигаются поиски?

– Пока никак, – Стефан посмотрел в окно на загорающую на шезлонге Монику.

– Мне звонили твои друзья. Говорят, не могут с тобой связаться.

– Да, извини, я здесь познакомился с ребятами и совсем забыл о телефоне.

– Хорошо, я рада, что все в порядке.

– Я тоже, – Стефанос был рад тому, как вела себя его мама.

Она была очень мудрой женщиной и никогда не задавала лишних вопросов. Хотя, может, ей было просто неинтересно, чем он занимался. Сын в порядке – и отлично. Так или иначе, Григориадис был доволен их коротким разговором. Он знал, что у его друзей, очевидно, было много вопросов. Об этом абсолютно точно знала и Инга, что ему доставляло еще большее удовольствие. Этот разговор словно замедлил происходящее.

– Ты говоришь по-немецки? – спросила Клара по-немецки. Она зашла в гостиную, чтобы собрать разбросанный мусор.

– Не знал, что ты тоже говоришь по-немецки, – удивился Стефан.

– Я училась в университете в Мюнхене, поэтому считаю, что говорю сносно. – девушка действительно хорошо говорила по-немецки и почти не делала ошибок. – А ты?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.